

ОТЗЫВ О КНИГЕ А. Г. СЛЕДНИКОВА
ЖИВАЯ ЛАТЫНЬ.
LIBELLUS DE LINGUA LATINA VIVA

А. М. БЕЛОВ

Книга А. Г. Следникова *Libellus de lingua Latina uiva*, имеющая и русское название *Живая латынь*, представляет собой первую из известных мне попыток создать русское учебное пособие, специально посвящённое разговорному латинскому языку. Попытку эту нельзя не приветствовать, поскольку желание владеть этим древним языком активно (и, соответственно, обучать ему) ценно не только и не столько само себе, но и полезно для преподавания его и в традиционном русле – в первую очередь для нужд филологии. В самом деле, пытаясь активно строить латинские фразы, мы повторяем грамматику, активизируем словарный запас, учимся чувствовать тонкие стилистические различия и т.д., что никак не может быть бесполезно. Стоит отметить и тот факт, что изучение и новолатинской лексики полезно не столько само по себе (хотя, разумеется, может быть очень интересно, что по-латински можно говорить и о телевизорах, и о супермаркетах, и о джинсах), сколько и потому, что это учит нас общим принципам пополнения и обновления лексического состава, словообразования, в том числе и исторического, позволяет понять разницу между естественно возникшими в языке словами, словами, искусственно построенными по реальным моделям, и противоречащими им полуграмотными образованиями. Сразу стоит отметить, что число собственно новолатинских терминов на единицу новолатинского текста не столь уж велико (как это часто считает обыватель): новолатинский текст в идеале – это такой же самый обычный латинский текст, лишь по мере надобности разбавленный необходимыми новообразованиями. Все эти соображения лишний раз только подчёркивают необходимость специальных новолатинских пособий в том числе как средство популяризации латинского языка в массах. Поэтому и книгу А. Г. Следникова я считаю актуальной и в принципе необходимой.

Книга, насчитывающая в рукописной версии более 100 страниц, состоит из двух предисловий – латинского и русского, теоретических статей о создании неологизмов и переводе на латинский язык имён, фонетического раздела, описывающего *modus prōnuntātus restitūtus* и правила постановки ударений, десяти уроков, каждый из которых вводится темой – «топиком» (*Приветствие, Мой дом, Моя семья, В универмаге, Как писать письмо* и т.п.) и продолжается серией различных заданий – в первую очередь, служащих для закрепления введённого в уроке лексического фонда. В заключении приводятся русско-латинский и латинско-русский словарики, сопровождаемые собственным специальным предисловием.

Многие из глав сопровождаются и дополнительными текстами – это, главным образом, образцы современной новолатинской поэзии и прозы: переводы *Бородина* Лермонтова, песни М. Таривердиева *Если у вас нету тёти*, извлечений из самого известного новолатинского журнала *Vox Latina* и рядом других текстов. Книга сопровождается удачно подобранным иллюстративным материалом, который призван сделать чтение более наглядным и занимательным.

Такая организация учебного пособия представляется мне оправданной поставленными задачами и потому имеющей право на жизнь. Со своей стороны я бы только предложил автору разнообразить имеющиеся тексты и темы как качественно, так и количественно: книги, посвящённые разговорному латинскому у нас издаются нечасто (в сущности, это первый в истории России учебник такого рода), поэтому я был бы совсем не прочь увидеть в нём и многие другие темы: спорт, политика, увлечения – вплоть до ремонта канализации или поклейки обоев. Так же и содержание каждого урока, на мой взгляд, ещё больше выиграло бы, если бы в них было существенным образом увеличено разнообразие текстов (даже если бы их автором был автор учебника): большая часть текстов сейчас – это либо рассказ о блестящей жизни бравого ярославского студента Дмитрия Иванова и его семьи, местами скучноватый и одновременно переполненный чувством нездорового оптимизма; либо это диалоги, вполне идущие к делу, но выглядящие порой излишне абстрактными и учебными. Всё это, разумеется, никоим образом не должно трактоваться как моё замечание в адрес автора – ибо он волен здесь действовать, как ему кажется правильным, – а всего

лишь субъективное пожелание; но читая эти тексты я не мог отделаться от ощущения, что нечто подобное я уже видел в советских учебниках иностранных языков, повествующих нам о young pioneer Peter Ivanov или comrade Pavlov, member of the Communist Party. Лично мне в таких случаях более удачным кажется подход Ч. Э. Эккерсли (1892-1967), построившего в своём знаменитом курсе *Essential English* целую серию очень познавательных диалогов между учителем и группой учеников, каждый из которых нарисован как сложный и неповторимый персонаж.

В связи с общим разговором о принципах организации книги хотел бы с удовлетворением отметить приверженность автора к классической норме произношения, что далеко не всегда можно встретить на страницах латинского учебника, изданного даже в Москве и Петербурге. Система латинской фонетики сейчас (в третьей версии рукописи) выглядит вполне корректно, однако я предложил бы автору усовершенствовать раздел об ударении, построив его на материале более современных теорий, разделяющих хотя бы долготу гласного и вес слога (как, надо сказать, всегда поступали и античные грамматики): в настоящий момент главным источником этого раздела оказывается школьный учебник А. В. Подосинова, явно неавторитетный с акцентологической точки зрения.

Латинско-русский и русско-латинский учебные словари выглядят вполне удобными, однако необходимо выстроить оформление словарной статьи по современным правилам (инструкции я дал автору в частном порядке) и подумать над возможным расширением переводной части этих статей: ведь самое главное – не знать, как перевести то или иное слово, а то, что оно значит на самом деле в языке. Последнее же может быть реализовано либо уточнением подобранных соответствий, либо их расширением.

Теперь о самом для меня главном в этой книге – о качестве её латинского языка.

В традиционной практике преподавания классических языков тем, как «правильно писать» (и, видимо, говорить) на них заведовала стилистика: прикладная наука об изящном способе выражения на языке. В современной лингвистике тоже имеется стилистика – но уже совсем другая: то, как *обыкновенно* выражаются (устно или письменно) на языке его носители описывается в терминах *функциональных стилей* (т.е. типичных для различных ситуаций стратегий пользования языком), которые, в свою

очередь, складываются в определённую языковую норму – совокупность допустимых стилей, принятых в том или ином языковом коллективе в ту или иную эпоху. Разумеется, определённые функциональные стили и нормы были и в латинском языке разных эпох; их соблюдение или не соблюдение с точки зрения языковых коллективов этих эпох (а ещё точнее – наших представлений об их точке зрения) мы могли бы расценивать как правильность или неправильность речи. Но как тогда быть с новолатинским языком и как оценить качество латинского текста, если мы понимаем, что латынь сегодня не обслуживает фактически никакой языковой коллектив, а его норма существует не более чем виртуально? Если сейчас и есть хоть какая-то реальная практика составления новых латинских текстов (например, в Ватикане), то она, само собой разумеется, не имеет прямого отношения к той задаче, которую ставит перед собой наш автор: обучить новолатинскому языку как таковому – ибо обучать можно только норме, а общепринятой нормы этого языка нет в принципе. Но тогда это означает, что норму эту должен создавать сам автор – примерно также, как Константин Философ не просто придумал славянам буквы, но и создал норму того языка, который мы теперь называем старославянским. Впрочем, задача последнего была заметно труднее, ибо он был первым, кто вообще задумал составление столь сложных текстов на прежде бесписьменном языке. Но и А. Г. Следников, имевший многочисленных новолатинских предшественников, в действительности оказывается в очень сложном положении, так как ни один из этих предшественников требуемой нормы не создал.

Как вообще создаётся такая норма? Я вижу две возможных крайности. Либо мы ориентируемся на какой-то конкретный стиль или группу стилей, стараясь максимально подробно воспроизвести его (их), – как поступали гуманисты, фактически провозгласившие индивидуальный стиль Цицерона эталоном общезыковой нормы; либо, напротив, мы соглашаемся с мыслью, что современная латынь совсем другая, и творим норму вполне произвольно, исходя из каких-то иных соображений (как поступают, например, Ц. Айхензеер и его последователи).

Моя позиция в этой исторической дилемме компромиссная: я выступаю за то, чтобы новолатинская норма была максимально близка к той, которая наиболее отражает живое состояние латинского языка, – т.е. норме классической, понимаемой однако не узко (как, например, «язык Цицерона и Цезаря» — у С. И. Соболевского), а, напротив, максимально широко – как систему

средств, общую и типичную для всего латинского языка классической эпохи. Если же речь идёт о разговорной норме этого языка, то тогда тем более мы должны ориентироваться не на Цезаря (вполне известного своим авангардизмом стиля), а в первую очередь на такие тексты, которые стилистически не имеют ничего примечательного, – т.е. тексты «нехудожественные». А к ним уже можно добавлять диалоги Плавта и Теренция (с поправкой на время), письма Цицерона, Апулея, Петрония и т.п. Но в вопросе нормы никак нельзя перепутать специфически авторское с общеязыковым и потому безликим. Лингвисты знают, что *хорошее произведение литературы никогда не пишется на литературном языке*, как это порой представляется непосвящённым. Точно так и язык современной России изучают не по Пушкину, не по Толстому, не по Бродскому, а по довольно малопrestижным источникам, на фоне которых *Чапаяев и Пустота* Пелевина будет смотреться недостижимой вершиной.

Так вот, возвращаясь к учебнику А. Следникова, скажу, что мне было очень приятно отметить, что мнение (или интуиция) автора, составителя учебных текстов, было известным образом созвучно с моим. Язык автора явно ориентирован на усреднённую и потому безликую норму позднеклассического латинского языка, что, с одной стороны, оставляет впечатление, что тексты эти действительно латинские (к слову сказать, *Vox Latina* так отнюдь не всегда выглядит), а с другой стороны – г-н Следников совсем не зашивается в одежды классического пуризма и идеологической нетерпимости, что позволяет мне избавить его от очень многих замечаний, касающихся нарушения нормы Цицерона и Цезаря. (Однако должен предупредить, что сторонники последних могут воспринять учебник А. Следникова в штыки.)

Таким образом, мои замечания и исправления текстов учебника возникали лишь тогда, когда избранные автором средства выражения мысли противоречили не столько избранному им замыслу, сколько устройству латинского языка вообще. Многие из этих замечаний были обсуждены лично, и я с удовлетворением могу отметить, что автора убедили мои доводы и он отказался, например, от таких варварских терминов, как *interrēte*, *interrētiāliter* в значении 'интернет', 'по интернету', которые никогда в принципе не могли бы значить того, что хочет их изобретатель Ц. Айхензеер. Автор навёл порядок в ряде случаев предложного управления и порядка слов: так, *ante tēleopterem sedēre* выглядит теоретически возможным словосочетанием, но крайне сомнительно, чтобы это могло значить 'сидеть перед телевизором'

= 'смотреть телевизор': с точки зрения латинской грамматики это, думаю, должно означать 'находиться между наблюдателем и телевизором', предполагая сидение к телевизору спиной. (Ср. похожие случаи по-русски: *Солдаты грелись у костра* и *Солдаты грелись рядом с костром* – т.е. от другого источника тепла.) Точно так же, как *Acadēmīam terminābit* будет означать скорее 'прикончит университет', нежели 'закончит'. Мне кажется, что внесённые автором поправки заметно улучшили тексты от первой версии к третьей.

Наконец, о неолатинизмах. Они в новолатинской книге, разумеется, должны быть всегда – без них никуда не деться. Однако мне всё же не очень симпатична мысль, что большую часть новых понятий, особенно касающихся технических средств и достижений цивилизации, мы должны передавать греческими словами. Разумеется, этого никто не может запретить автору, который, как я и сам признавал, есть творец нормы и у которого в этом деле как раз имеются достойные предшественники, мыслящие сходно с ним (такой же философии, тоже не без оснований, придерживается, например, д.ф.н. А. И. Солопов). Приведу здесь лишь несколько возможных возражений.

Во-первых, мне кажется, что столь большая восприимчивость к заимствованиям была чужда классической норме латинского языка. Если бы это было так, то уже к позднелатинским временам язык так изобиловал бы заимствованиями из греческого, что это трудно было бы не заметить. Разумеется, в словарях можно найти немало греческих слов, но для нормы важно не то, сколько их в принципе, а то, как они употребляются в текстах разных типов по сравнению с имеющимися альтернативными способами выражения того же смысла. Более того, и многие грамматики учили, что греческое слово желательно ставить лишь тогда, когда речь идёт непосредственно о нём; в этом случае его желательно записывать греческими буквами и произносить на греческий манер. Если же говорить о кажущемся изобилии эллинизмов в тексте, например, Петрония (на которого обычно указывают как на образец «народной латыни»), то легко увидеть, что эти слова в очень большой степени относятся не к диковинным достижениям цивилизации (для которых не имелось бы латинской альтернативы), а к довольно специфическим и очень маркированным понятиям разговорной речи, выступая вроде арго или жаргона: это слова-однодневки, едва ли оправдывающие массовое введение эллинизмов в новолатинскую норму.

Во-вторых, заметно и одно теоретическое заблуждение, девиз которого можно сформулировать как «новому понятию – новое название». Но ведь история языков показывает, насколько часто вариация слова по денотату и/или сигнификату оказывается предпочтительней создания неологизма или использования заимствования. Словом *машина* можно назвать (и называют!) самые разные машины, словом *свет* – электрический ток, словом *дворник* – контактирующую с поверхностью лобового стекла часть стеклоочистителя. Более того ряд языков типа английского (особ. американского варианта) даже предпочитает вариацию по денотату прямому именованию *mouse* – ‘ручной манипулятор типа «мышь»’, *stand-by* – ‘режим низкого энергопотребления’, *on-line* – ‘режим готовности’ (*о приборах*) т.п.

Поэтому я всегда недоумеваю: неужели слово *супермаркет* обязательно надо перевать как *panopoliūm* (хотя слово, конечно, хорошее), а *лифт* – *anabathrum* (могло ли быть такое слово в греческом в этом значении)? Неужели *коридор* – это только *andrōn* (букв. ‘мужская комната’, что функционально скорее соответствует нашей гостиной), а *автомобиль* – *autocinetum* (новогреческое заимствование)? Все эти слова, конечно, имеют право на жизнь, но вот болгары, например, *автомобиль* называют словом *ко́ла* (исконно ‘повозка’), *лампочку* – *крушка* (исконно ‘груша’), а *туфли* – *обувки*. Разумеется, у болгар много и заимствований, но эти примеры вполне дают понять, насколько мы пытаемся расширить латинский словарь, пользуясь стратегией современного *русского* языка: т.е. по возможности насаждая заимствования.

Латинский язык, явно менее терпимый к иноязычным словам, чем русский, ещё в большей степени должен был пользоваться денотативно-сигнификативным варьированием; а этим фактом могли бы уже пользоваться и мы. Почему бы автомобиль не называть, например, *arcera*? А диван – *torus*? Хотя сами эти слова подлежат обсуждению, но сам принцип должен, как кажется, пользоваться большим вниманием неолатинистов.

Подводя итоги, скажу ещё раз, что книгу А. Г. Следникова «Живая латынь». *Libellus de lingua Latina uiua* я нахожу интересной, актуальной и вполне качественно сделанной, тогда как возможные замечания и критические стрелы в адрес автора мне представляются дискуссионными и сильно зависящими от априорной позиции читателя – которая при этом едва ли может быть аргументирована объективно. Поэтому я не вижу никаких разумных оснований для того, чтобы препятствовать публикации

этой книги; напротив, её выход в свет представляется мне отнюдь не бесполезным для образовательных реалий современной России, а я сам был бы рад увидеть книгу А. Г. Следникова у себя на полке.

А. М. Белов
доктор филологических наук,
кафедра общего и сравнительно-исторического
языкознания МГУ имени М. В. Ломоносова